

Краткое содержание:

Выздоровление, очные ставки, консультации и откровения.

Короткий день после потери сознания Вэй Усянем.

В течение нескольких долгих минут после того, как брат и сестра Вэнь ушли, Лань Ванцзи просто смотрел на Вэй Усяня; во сне необузданный заклинатель, которым он восхищался уже несколько лет, выглядел мирным и юным, едва достигшим возраста, чтобы иметь вежливое имя. Хотя цвет его лица за последнее время улучшился, а тёмные круги под глазами постепенно таяли, его скулы и рёбра всё ещё выдавались, что не успокаивало Лань Ванцзи. Он потянулся, чтобы откинуть волосы Вэй Усяня с его лица, проследил морщинки, расходящиеся веером от его глаз — лучики смеха, что очаровательно морщились от удовольствия. На короткое мгновение Второй Нефрит задался вопросом, когда он стал таким ужасно сентиментальным. Вероятно, в тот момент, когда невероятный Вэй Усянь нарисовал кролика для их фонаря, а потом посмотрел на Ванцзи доверчивыми глазами и с сияющей улыбкой.

Теперь, когда мышцы возлюбленного не выглядели столь напряжёнными, готовыми в любой момент лопнуть, Лань Ванцзи обнаружил, что ему проще договориться с... собой? — расслабленные конечности и тихие храпы вместо сжатых кулаков и мучительных стонов, успокаивали его душу. Осторожно Второй Нефрит передвинул Вэй Усяня в гораздо более удобное положение, снова натянул на его плечи красную внутреннюю мантию и запахнул её, а потом, немного поколебавшись, снял его верхнюю одежду. Он подложил под голову возлюбленного подушку, накрыл его одеялом и снова коснулся пальцами его щеки.

Ответная реакция оказалась неожиданной. Они всего лишь пытались инициировать связь, это был всего лишь один из нескольких экспериментов, которые они пытались провести, чтобы увидеть, будет ли какая-либо мелодия резонировать с теперь уже очищенным иньским железом. Вместо унылых провалов, которыми были предыдущие полторы дюжины попыток, эта не только вызвала резонанс, но и соединила все части воедино в один душераздирающий момент, который наполнил воздух потоком энергии обиды, льющейся прямо в Вэй Усяня.

Лань Ванцзи даже сейчас не понимал, как он разорвал связь; он с ужасом наблюдал, как Вэй Усянь рухнул, как марионетка с обрезанными нитями, и беззвучно замер на земле; и сердце Второго Нефрита забилось, поднявшись к горлу, когда он, едва вспомнив о том, что нужно запечатать гуцинь, бросился к возлюбленному и подхватил его на руки.

Он летел обратно со скоростью, которую до этого не считал возможной, молясь, чтобы Вэй Усянь проснулся, и трепеща от ужаса, что он не просыпается.

Вэнь Цин была единственным человеком, о котором он мог думать, когда приземлялся прямо в покоях Вэй Усяня. Он не удосужился скрыть свой страх, когда отправился на её поиски, и только когда целительница заявила, что да, она может всё исправить, он почувствовал, как его

сердце, наконец, вновь возвращается обратно в грудь.

Он позволил своим пальцам задержаться ещё на мгновение, не желая отрывать их, но зная, что ему нужно собрать воедино какое-то объяснение для своего брата и Цзян Ваньиня — они придут искать ответы, и ему нужны эти ответы, чтобы дать им.

Тем не менее, Лань Ванцзи не мог заставить себя выпустить Вэй Усяня из виду, поэтому он перетащил стол, на котором они складывали свои записи, на середину комнаты, поставил его всего в нескольких шагах от кровати и начал разбирать бумаги, которые они оставили разбросанными, по стопкам с учётом полезности.

Он работал в течение нескольких часов без перерыва, время от времени, поднимая взгляд, чтобы проверить Вэй Усяня, и вновь возвращался к своей работе, и к тому времени, когда ему понадобилось зажечь новую свечу, у него получилось три стопки. Одна, самая большая, стояла на столе слева, в неё Второй Нефрит собрал то, что они уже попробовали, но результат получили отрицательный. Во второй, самой маленькой и лаконичной, содержались все песни, которые они будут использовать, партитуры которых были тщательно детализированы и испещрены пометками, как и что они с ними делали. Лань Ванцзи отложил эту стопку на правую сторону стола, где она будет ожидать тщательного рассмотрения, прежде чем решится, что с ними делать дальше — сохранить или уничтожить.

В центре стола, прямо перед Вторым Нефритом, лежала последняя стопка разновеликих бумаг, заполненных незаконченными мелодиями, экспериментами и предположениями, требующими проверки. Лань Ванцзи оглядел все три стопки, а потом молча взял чистый лист и аккуратным, точным почерком принялся переписывать мелодию, что они использовали сегодня, внимательно отмечая основные точки, где была инициирована связь и возникла обратная реакция. Затем Лань Ванцзи перешёл к написанию альтернативной мелодии, сопоставив некоторые фрагменты, которые они использовали, но изменив несколько тактов и смягчив всю подачу. Ему нужно будет прояснить отдельные моменты с Вэй Ином, и он может даже спросить совета у своего брата, поскольку у них обоих было гораздо меньше опыта создания монументальных песен по сравнению с ними.

Когда Лань Ванцзи отрабатывал предпоследний такт, Вэй Усянь застонал, и веки его затрепетали.

Второй нефрит в смущении отложил кисть, отодвинул тушь и бумагу, не слишком стараясь скрыть облегчение, которое, как он знал, отразилось на его лице.

— Тьфу... ты поймал зверя, который растоптал меня, Лань Чжань? — похрипел Вэй Усянь.

— Вэй Ин, там не было никакого зверя.

— А такое ощущение, будто кто-то сидит у меня на груди, — пробормотал тот. — Мои лёгкие словно сдавлены.

Лань Ванцзи нежно прижал руку к груди Вэй Усяня, чувствуя биение его сердца и вздымающиеся и опускающиеся упомянутые лёгкие:

— Они в порядке.

— Что случилось? - моргая, спросил Вэй Усянь, повернул голову и с растущим замешательством осмотрелся. — Почему мы снова в Цинхэ?

— Ответная реакция, Вэй Ин. Ты... — Второй нефрит замолчал, не зная, как закончить своё заявление. Он отвёл взгляд, посмотрел на руки Вэй Усяня и взял одну из них в свои. — Прошло уже четыре часа.

У Вэй Усяня перехватило дыхание:

— А-а-а. — Он сглотнул. — Прости, Лань Чжань.

— Безрассудно, — пробормотал тот.

— Я постараюсь стать лучше, — пообещал Вэй Усянь с ноткой надежды в голосе.

Лань Ванцзи, наконец, посмотрел на него:

— Безнадёжно безрассудный.

Вэй Усянь оскорблённо надулся, сел, но тут же зашипел, когда боль в груди запульсировала, и упал обратно на подушку.

— Ты уверен, что я ничего не сломал, Лань Чжань? Потому что мне кажется, что во мне что-то явно сломалось.

Лань Ванцзи серьезно кивнул:

— Ничего. Причина в обратной реакции. Целительница Цин проверила.

— Я этого не помню, — проговорил Вэй Усянь, слегка расстроенный этим. — Последнее, что я помню, это как мы остановились на холме. Я даже не помню, как взял Чэньцин... Подожди, где моя флейта? - Юноша огляделся, стараясь не двигаться слишком резко.

— Там. — Лань Ванцзи кивком указал туда, где Чэньцин лежала на подставке рядом с его гуцинем. — Отдохни, Вэй Ин. Ответная реакция была серьёзной.

Вэй Усянь снова попытался сесть, несмотря на провальную попытку всего за три минуты до этого, затем застонал и откинулся назад, прижав руку к груди.

— Как обратная реакция причиняет кому-то такую боль? — пожаловался он.

— Всё дело в том, что ты идиот, Вэй Усянь. — Цзян Чэн открыл дверь и, стоя в тени коридора, скрестил руки на груди и вперил буравящий взгляд в брата.

— Цзян Чэн. — В голосе Вэй Усяня тут же зазвучал оптимизм. — Наверное, хорошо, что я не вижу тебя прямо сейчас, не так ли. У тебя, вероятно, эти сердитые брови и хмурый вид. — Он захихикал. — Не нужно только нависать надо мной, я и без того достаточно хорошо представляю твоё неодобрение.

— Вэй Усянь! — Цзян Чэн нахмурился сильнее, закрыл за собой дверь и прошёл вперёд, попадая в поле зрения брата. — Сестра ужасно беспокоится о тебе, а ты здесь шутики шутишь? — Убедившись, что брат его видит, он расставил ноги, расправил плечи и с важным, грозным видом прогрохотал: — Ответная реакция, Вэй Усянь? Я думал, ты осторожен!

Вэй Усянь нахмурился.

— Этого никто не ожидал. Ты же не думаешь всерьёз, что я планировал сегодня потерять сознание и оказаться во власти Вэнь Цин? — Он обиженно надулся. — Я даже не помню, что произошло.

Лань Ванцзи потянулся к столу, подхватил лист бумаги, на котором он писал ноты, и развернул его к возлюбленному:

— Здесь. — Он коснулся одной из меток.

В очередной раз позабыв, что привязан к горизонтали, Вэй Усянь сделал движение, чтобы подняться, и застонал, когда тело запротестовало. Пришлось довольствоваться разглядыванием партитуры, которую Второй Нефрит заботливо вложил в его руку

— Здесь? Ты уверен? — спросил он. — Конечно, ты уверен. Глупый вопрос. Это... — Демонический заклинатель нахмурился. — Это такт непосредственно перед одним-двумя — между первой и второй песней. Это означает, что основная схема первой песни верна, связь встала на место, но это было слишком... сильно, я полагаю. Либо так, либо Вэнь Жохань решил для чего-то использовать свои осколки иньского железа и выбрал для этого самое неподходящее время. — Вэй Усянь позволил странице упасть себе на лицо. — Но я не могу сказать наверняка, пока не проверю Печать и...

— Ты ничего не будешь проверять... — начал Цзян Чэн, но Лань Ванцзи посмотрел на него и слегка покачал головой.

— Позже, Вэй Ин, — мягко проговорил он. — Самое раннее завтра днём. — Даже, несмотря на то, что лицо возлюбленного скрывали нотные партитуры, Второй Нефрит мог видеть его неодобрительный хмурый взгляд. — Приказы целительницы Цин, — добавил он, сделав акцент на имени девушки.

Вэй Усянь застонал, откинул бумаги в сторону и посмотрел на Ванцзи большими умоляющими глазами.

— Да ладно, Лань Чжа-а-ань... — заскулил он и замолчал, оплакивая свою неудачу, стоило Второму Нефриту лишь приподнять изящную бровь.

— Ты всё ещё собираешься продолжать? — возмущённо спросил у Лань Ванцзи Цзян Чэн. — Даже после того, как он почти... почти... — Он неуверенно остановился. — Я даже не уверен, что именно он чуть не сделал, но вышло у него достаточно плохо, раз ты ворвался в обеденный зал с паникой на лице. И этого всё ещё недостаточно, чтобы воспрепятствовать такому безрассудству?

Вэй Усянь положил руку на плечо Лань Ванцзи.

— Цзян Чэн, если вы все вдруг не придумали новый способ избавиться от самого большого преимущества, которое есть у Вэнь Жоханя, другого выхода нет. И теперь мы знаем, что этот путь работает. Всё было не так плохо, как кажется.

— Ты прикован к постели до тех пор, пока не сможешь двигаться, не морщась, и говоришь, что всё не так плохо, как кажется? — разочарованно прорычал Цзян Чэн. — Я... — Он пробормотал что-то невнятное себе под нос и вскинул руки. — Я больше не могу с этим справиться. Он под твоей ответственностью, Ханьгуан-цзюнь! — выкрикнул глава Цзян и стремительным шагом покинул комнату.

Вэй Усянь покачал головой.

— Он ведёт себя так, будто когда-либо пытался взять на себя ответственность за меня, — проговорил он с тихой нежностью. Затем он посмотрел на Лань Ванцзи и лукаво изогнул бровь: — Что ж, теперь я весь твой, Лань Чжань. Что ты собираешься делать с этим бедным, беззащитным, потерпевшим кораблекрушение? — поддразнил он манящим, хитрым голосом.

Уши Лань Ванцзи покраснели.

— Бесстыдник, — пробормотал он.

— Лань Чжань, давай!

Вэй Усянь надулся, и Лань Ванцзи оказался бессилён против этих глаз. Он наклонился и

ласково поцеловал возлюбленного.

— Я сыграю для тебя, Вэй Ин, а потом спи. Мы можем обсудить мелодию завтра, — прошептал он в губы Вэй Усяня.

— Не так быстро, Лань Чжань, — ответил тот и, вцепившись в мантию на груди Лань Ванцзи, потянуть его вниз.

Этот поцелуй не был нежным. Язык Вэй Усяня вторгся в рот Лань Ванцзи, сплетаясь с его собственным языком, вырывая глубокий стон из его груди, а потом рука возлюбленного пробралась в его волосы и крепко сжала их, не позволяя отстраниться. Их губы и языки жадно ласкали друг друга, иссушая их лёгкие до предела, пока Лань Ванцзи не отпрянул назад, чтобы глотнуть воздуха в маленьком пространстве между ними.

— Вэй Ин, — выдохнул он. — Вэй Ин, Вэй Ин...

Вэй Усянь положил ладонь на щеку Лань Ванцзи.

— Лань Чжань, — прошептал он в ответ. — Мой Лань Чжань.

Полминуты Второй Нефрит боролся с искушением прижать Вэй Ина к кровати и осознанием того, что его возлюбленный определён не в достаточной форме для такого движения, прежде чем его здравый смысл победил, и он откинулся на спинку кресла с красными губами и широко раскрытыми глазами.

— Вэй Ин, ты всё ещё ранен, — сказал он напряжённым голосом.

— Ты будешь нежен со мной, верно, Лань Чжань? — поддразнил его Вэй Усянь, широко улыбаясь и смеясь над румянцем, залившим шею Лань Ванцзи.

— Вэй Ин.

Это была мольба о пощаде и задушенное желание, заключённое в его имени, и Вэй Усянь капризно надулся, зная, что, на самом деле, он не сможет развить какие-либо импульсивные действия, если предпримет их сейчас.

— Позже, Лань Чжань, позже.

Лань Ванцзи твёрдо кивнул:

— Позже.

Он пересел за стол, установил перед собой гуцинь, и Вэй Усянь с нежностью вздохнул, зная, что его всё равно усыпят.

— Сначала сыграй ту, другую песню, — попросил он. — Ту, что играл раньше.

Лань Ванцзи вздрогнул:

— Ты помнишь?

— Ты пел её для меня в пещере, и я всё время слышу её во сне. Она красивая. — Демонический заклинатель повернул голову и капризно посмотрел на Лань Ванцзи. — Пожалуйста?

«Это надутое лицо меня доконает», — обречённо и в то же время счастливо подумал Лань Ванцзи, перебирая пальцами струны, чтобы сыграть свою песню для возлюбленного.

Первые аккорды вызвали немедленную улыбку на лице Вэй Усяня. Его глаза закрылись, и он откинулся на подушки, чтобы слушать, полностью сосредоточившись на запоминании.

Когда же песня, наконец, закончилась, влажный серебристый взгляд Вэй Усяня мог бы расплавить Лань Ванцзи на месте.

— Ты написал её, да? — спросил он, и Лань Ванцзи кивнул, не решаясь заговорить. — Как ты её назвал?

При этих словах румянец с удвоенной силой вернулся к ушам Лань Ванцзи. Он сжал губы и отказался отвечать.

— О, Лань Чжань, давай! Как она называется? — Вместо того чтобы сохранить этот тлеющий, хищный взгляд из-под полуопущенных век, глаза Вэй Усяня стали фальшиво-невинными и умоляющими. — Это что-то неприличное? — Он хитро ухмыльнулся. — Я никому не скажу, Лань Чжань, давай!

— Медитируй, Вэй Ин! — вместо этого приказал Лань Ванцзи, отказываясь смотреть на возлюбленного.

— Я вытяну из тебя название, Лань Чжань. Ты не сможешь усыплять меня каждый раз.

Вэй Усянь фыркнул, и Лань Ванцзи задался вопросом, как долго он продержится, прежде чем смущающе сентиментальное имя песни ускользнет от него по воле мольбы возлюбленного, но сейчас Вэй Усяню нужно было подлечиться и отдохнуть, и он мог продолжать оттягивать неизбежное.

«Очищение» началось мягко, но Вэй Усянь был настолько вымотан сегодняшним событием, что заснул едва ли через дюжину тактов песни.

Тем не менее, Лань Ванцзи закончил мелодию, позволив своей собственной энергии смешаться с нотами уникальным способом, который он выучил, разбираясь в странном стиле одного-двух тактов Вэй Усяня. Вместо того чтобы наполнить песню своей силой и продолжить исполнение с ней, он управлял своей энергией и направлял её через свои пальцы, позволяя своему чувству мелодии диктовать, сколько силы отдавать каждой ноте. Исполнение, таким образом, увеличило эффективность песни, сделало её более направленной, несмотря на то, сколько концентрации потребовалось для её использования. Самым непосредственным преимуществом подобного исполнения «Очищения» стало то, что Лань Ванцзи видел, как Вэй Усянь засыпал более спокойно, на этот раз он совсем не походил на марионетку, у которой обрезали нити.

* * *

Все в цитадели на мгновение пошатнулись, не готовые к тому, что волна очищающей энергии пронесётся так рано.

Но у раннего исполнения был дополнительный бонус: оно утихомирило беспокойных раненых, от чего все целители вздохнули с облегчением.

Не Минцзюэ слегка покачнулся, стоя у стола с картами военных действий в Зале совета, а все вокруг него моргнули, останавливаясь на полуслове или действии, чтобы попытаться собрать свои мгновенно разлетевшиеся мысли или напрячь внезапно ослабевшие мышцы.

— Глава Ордена Цзян, как твой брат? — спросил Не Минцзюэ.

Цзян Чэн моргнул, чтобы прочистить голову.

— Он был в сознании и разговаривал, когда я навещал его сегодня, хотя и прикован к постели.
— Он вздохнул. — На самом деле, он сейчас не может сесть. Что бы ни случилось, это было достаточно серьёзным, раз ему до сих пор больно принимать сидячее положение.

— Возможно, поэтому Ванцзи играет для него так рано, — пробормотал Лань Сичэнь. — Чем больше отдыха и спокойствия он получит, тем лучше пройдёт его выздоровление. — Он посмотрел на Цзян Чэна. — Вы выяснили причину травмы?

— Ответная реакция, хотя они не уверены, было ли это из-за мелодии или связано с чем-то, что мог делать Вэнь Жохань. — Он поморщился. — Лань Ванцзи написал мелодию и сузил точку негативного воздействия, так что, я уверен, завтра у них что-нибудь получится.

В комнате повисла тишина.

— Ответная реакция? — осторожно поинтересовался Цзинь Цзысюань. — Что за ответная реакция?

— Кажется, такая, после которой требуется помощь самого опытного врача нескольких поколений, — пробормотал Цзян Чэн и вздохнул. — Я не совсем уверен, молодой господин Цзинь. — В принципе, он понимал, что вызвало ответную реакцию, но только он сам, Лань Сичэнь и Не Минцзюэ знали, что именно случилось с Вэй Усянем, и они не хотели, чтобы эта информация распространялась слишком далеко. — Завтра мы можем спросить их более прямо.

— Если вы извините меня, я могу пойти спросить Ванцзи, что, по его мнению, произошло. — Лань Сичэнь церемонно поклонился всем присутствующим и покинул зал.

Не Минцзюэ откашлялся, привлекая всеобщее внимание.

— Ладно, у нас ещё есть кое-что, что нам нужно обсудить. Мы уезжаем не позднее чем через три дня.

* * *

Лань Сичэнь постучал в дверь комнаты Вэй Усяня (а, на данный момент, и Лань Ванцзи) и негромко представился.

Спустя несколько мгновений дверь скользнула в сторону, и на пороге возник его брат.

— Ванцзи, — мягко сказал он. — Я хотел спросить о сегодняшних событиях.

Лань Ванцзи отступил в сторону, приглашая его войти. Затем он провёл Сичэня к столу, который явно перетасили и установили так, чтобы не выпускать из поля зрения спящего Вэй Усяня, и указал на свободную подушку:

— Брат.

Ванцзи неторопливо освободил поверхность столешницы от бумаг и направился в угол комнаты, где на небольшом комодe стояли чайный сервиз и горелка.

Лань Сичэнь дождался, пока брат заварит ароматный напиток и поставит перед ним изящную фарфоровую чашку, и только после заговора:

— Ванцзи, Цзян Ваньинь сказал, что ты написал мелодию. Ту, которую играл во время ответной реакции.

Лань Ванцзи кивнул и протянул брату несколько листов бумаги:

— Вот. Реакция произошла в последнем такте первой песни.

Лань Сичэнь просмотрел партитуру, отметив аккуратную пометку, указывающую на точку отказа, и признался:

— Эта песня мне не знакома.

— Это одна из работ Вэй Ина, хотя он и модифицировал её. Песня притягивает тьму, но он настроил её так, чтобы привлекать только иньское железо. Это маяк, через который мы надеемся соединить отдельные части. — Лань Ванцзи указал на основную мелодию во второй песне, с которой Лань Сичэнь был больше знаком как с песней, предназначенной для соединения одинаковых объектов вместе.

— Вы собираетесь связать иньское железо? — выдохнул глава Лань с широко раскрытыми глазами. — Соединить и связать иньское железо? — Он вздохнул. — И, по-видимому, это приведёт к тому, что вы истощите его энергию обиды. — Дождавшись от брата кивка, Сичэнь потрясённо качнул головой: — Как ты вообще...?

Лань Ванцзи нежно коснулся флейты Вэй Усяня и мешочка-цянькунь, лежавшего рядом с его гуцинем:

— Мы закончили их очистку.

— Вы очистили иньское железо? — Лань Сичэнь гордился тем, что его голос не сорвался. — Как вы вообще смогли...? — Что ж, одно можно было сказать наверняка: эти легенды о слившихся парах, совершающих невероятные поступки, вероятно, были скорее правдивы, чем ошибочны. — Неважно. Дело сделано. Вы планируете соединить части, которые есть у Вэнь Жоханя, с этими, а затем лишить их энергии, я правильно понял?

Лань Ванцзи кивнул:

— Да. Затем они превратились бы в очищенные куски металла. — Он многозначительно посмотрел на своего брата. — Очищенные куски металла, когда-то наполненные энергией обиды.

Лань Сичэню не потребовалось много времени, чтобы сообразить.

— Это были бы мощные инструменты, если их правильно использовать, — пробормотал он. — Созданные из энергии обиды, а затем очищенные от неё. Такое оружие может стать непобедимым против зла в руках правильного человека. — Он увидел, как глаза его брата слегка метнулись в сторону Вэй Усяня, и ему пришлось скрыть быструю улыбку. — Это на

потом. Прямо сейчас, эта песня... — Он снова просмотрел партитуру. — Это очень мощно, особенно во второй части. Если бы эти такты были скорректированы, чтобы смягчить воздействие, их всё ещё можно было бы использовать.

На стол перед ним легли лист бумаги и кисть, и Сичэнь со смехом принял их.

На несколько часов глава Гусу Лань позволил себе увлечься созданием чего-то нового и полезного, обсуждая с братом достоинства той или иной записки, пока не наступил вечер и кто-то не постучал в дверь, предупреждая их об ужине.

Лань Сичэнь открыл дверь, ожидая увидеть одного из слуг, и с удивлением обнаружил на пороге Цзян Яньли, Девушка держала в руках поднос с едой и смущённо улыбалась.

— Дева Цзян, прошу прощения за беспокойство... — начал он.

Девушка покачала головой:

— Никаких проблем. Когда ни один из вас не пришёл в обеденный зал, я предположила, что вы можете быть здесь. А-Сянь спит?

— Да, он проспал весь сегодняшний день.

— Я так и думала. — Цзян Яньли вошла в комнату и с благодарностью посмотрела на Второго Нефрита: — Второй молодой господин Лань, спасибо, что позаботился об А-Сяне. — Она склонила голову. — С тех пор, как он вернулся, я всё время волновалась. Он почти не ел, мало спал и много пил. Он был так бледен и выглядел таким сердитым. Но с тех пор, как ты пришёл, он стал больше походить на себя прежнего. Спасибо тебе, второй молодой господин Лань. — Её взгляд был прямым, а слова звучали гладко и были наполнены смыслом.

Всё лицо Лань Ванцзи, казалось, просветлело, когда он посмотрел на Вэй Усяня.

— Я позабочусь о Вэй Ине, — сказал он. — Не волнуйтесь.

Цзян Яньли улыбнулась шире.

— Я знаю. И, пожалуйста, позволь ему позаботиться о тебе, второй молодой господин Лань, — предупредила она, хихикая над озадаченным взглядом, который получила в ответ. — А-Сянь не всегда показывает это, но ему нравится заботиться о людях, которые ему небезразличны. Позволь ему.

— ...Мнм.

Это было нерешительное, но твёрдое согласие, и Лань Сичэнь вынужден был скрыть ухмылку, наблюдая, как сестра Вэй Усяня приняла его твёрдым кивком.

— А теперь ужин для вас двоих. Оставьте посуду за дверью, когда закончите. И, пожалуйста, не ложитесь спать слишком поздно, хотя, зная вас двоих, я уверена, что мне не о чем беспокоиться. — Цзян Яньли поставила поднос на стол, слегка поклонилась им и ушла, беззвучно прикрыв за собой дверь.

— Брат, я чувствую себя так, как будто меня... опекают по-матерински. — Последнее слово Ванцзи произнёс с некоторым колебанием, словно сам не понимал, как оно вообще слетело с его языка.

Лань Сичэнь усмехнулся.

— Я уверен, что Цзян Яньли будет продолжать опекать тебя так долго, как она сможет, — предупредил он брата и напомнил: — Она воспитала молодого господина Вэй и Цзян Ваньиня. — Он внимательно присмотрелся к Ванцзи и уточнил: — Ты в порядке?

Его брат медленно кивнул, как будто совершенно не понимал, почему с ним всё в порядке, но принимал, что так оно и есть.

— Дева Цзян очень добра, — наконец, проговорил он.

— Несомненно. — Лань Сичэнь улыбнулся. — Я вижу в ней доброту, — прокомментировал он, в основном просто для того, чтобы увидеть, как смягчается лицо его брата.

Ужин был тихим, типичным для Ордена Гусу Лань, хотя Лань Ванцзи уже привык получать удовольствие от болтовни Вэй Усяня. Теперь же тишина успокаивала своей обычностью.

После трапезы Лань Сичэнь извинился.

— Я отнесу посуду на кухню. Когда молодой господин Вэй проснётся завтра, приходи ко мне. И приведи его. — Он подождал, пока его брат кивнёт в знак согласия и направился к дверями, а, выйдя в коридор, увидел приближающуюся Вэнь Цин.

— Целительница Цин.

— Я пришла посмотреть, как дела у Вэй Усяня. Я вложила в него достаточно много труда, пришло время получить прибыль, — сказала она с самоуничижительной улыбкой.

Двое охранников, следующих за ней, весело фыркнули.

Из комнаты выглянул Лань Ванцзи и поманил девушку к себе.

— Целительница Цин.

Лань Сичэнь уважительно кивнул уникальной молодой женщине.

— Ты провела несколько удивительных операций, целительница Цин. Если возможно, я хотел бы как-нибудь уточнить подробности. Исцеление всегда очаровывало меня, поскольку мне никогда не удавалось полностью понять его.

Мгновенная вспышка приятного удивления мелькнула в глазах Вэнь Цин, прежде чем они снова наполнились профессиональным спокойствием врача.

— Когда у нас будет такая роскошь, как время, глава Лань, я буду рада ответить на Ваши вопросы.

— Я с нетерпением жду этого. Спокойной ночи, Ванцзи, целительница Цин. — Он кивнул в сторону двух незнакомых охранников и направился к своим покоям.

Вэнь Цин же велела своим сопровождающим подождать у двери, вошла в комнату и сделала несколько шагов, необходимых ей, чтобы добраться до Лань Ванцзи.

— Как он? - спросила целительница. — Он спит с полудня. — Вэнь Цин подняла бровь, когда глаза Второго Нефрита внезапно вспыхнули испугом, и пояснила: — Каждый раз, когда ты играешь эту свою песню, вся цитадель чувствует это. Те, кто знает почему, знают, что звучит она примерно в то время, когда Вэй Усянь и ты ложитесь спать. - Заметив, как покраснели его уши, Вэнь Цин рассмеялась: — Может быть, тебе не стоит вкладывать в исполнение столько духовной силы, если ты не хочешь, чтобы кто-то ещё узнал?

— Вэй Ин в порядке. - Лань Ванцзи вернул на лицо маску спокойствия, несмотря на своё смущение. — У него болит грудь, и он не может сидеть, но в остальном он здоров.

Целительница поняла намёк и перестала дразнить его.

— Боль исходит от его... дантяня. Его энергия понемногу успокаивается и как бы оседает после встряски ответной реакции. Твоя песня ещё больше успокоит его, и к утру боль должна рассеяться. Если этого не произойдёт, найди меня.

Лань Ванцзи кивнул, затем требовательно посмотрел на Вэнь Цин:

— Было больно?

Этот вопрос не был ожидаем, и Вэнь Цин растерялась:

— Ты имеешь в виду ответную реакцию?

— Нет, когда он... — Лань Ванцзи замолчал, глядя на грудь Вэй Усяня.— Тогда.

Вэнь Цин вздохнула и сжала руки.

— Я могла бы сказать тебе, что это было безболезненно, но сомневаюсь, что ты мне поверишь. Никто бы не поверил. Удаление золотого ядра никогда не могло стать чем-то безболезненным — плести такую ложь всё равно что сочинять сказку. Это было больно. Это было больно, и не было никакого способа заглушить эту боль, не увеличивая вероятность того, что пересадка не сработает. Так что, он терпел. — Целительница посмотрела на Вэй Усяня с некоторым благоговением. — Он вгрызся в прочный кусок кожи и терпел беззвучно, потому что любой крик мог привести к нам заклинателей, ведь мы были едва за чертой города. Две ночи и день он терпел это, пока каждая капля духовной энергии не вытянулась из его вен и не перетекла в жилы Цзян Ваньиня. А потом, когда всё закончилось, он набрался сил... откуда-то, я не знаю откуда, и ушёл до того, как Цзян Ваньинь проснулся.

Лань Ванцзи стоял неподвижно, как нефритовая статуя, и Вэнь Цин вдруг подумала, что сейчас он как никогда олицетворяет присвоенный ему в родном Ордене титул Второго Нефрита, а потом он опустился на колени возле изголовья кровати и очень тихо спросил:

— Каковы были шансы? — Он коснулся щеки Вэй Усяня мягкими пальцами и вздрогнул, услышав ответ:

— Пятьдесят процентов. Равные шансы на провал и успех.

— Пятьдесят процентов? — Лань Ванцзи ахнул, его глаза расширились. — Почему же ты согласилась?

Целительница поджала губы:

— Он был настойчив. День за днём, почти неделю, он упрашивал меня. Снова и снова, и снова, пока он не измотал меня. Пока я вновь не вытащила этот свиток и не изучила его, чтобы убедиться, что смогу это сделать. Пока я не переписала эту чёртову штуку с учётом текущих знаний, чтобы запечатлеть процесс в своей памяти, и, наконец, не согласилась. — Вэнь Цин вздохнула. — Он бы не сдался, второй молодой господин Лань. — Она многозначительно посмотрела на него. — Ты уже должен это знать.

Глаза Лань Ванцзи вспыхнули пьянящей смесью гнева, ненависти к себе и какой-то отчаянной любви, от которой у неё сжалось сердце, прежде чем он закрыл их, слегка прислонился к кровати и провёл пальцами по лицу Вэй Усяня. Он прошептал слова, которые Вэнь Цин едва

смогла разобрать:

— Прости, Вэй Ин. Мне очень жаль.

— Второй молодой господин Лань, он настаивал на том, чтобы никто не знал о том, что он сделал. Никто, кроме меня и моего брата. Я думала, что ему удастся сохранить это в секрете, но я рада, что он потерпел неудачу. — Целительница улыбнулась. — Я очень, очень рада, что он потерпел неудачу. Он не должен нести бремя того, что сделал, в одиночку.

Тишина наполнила воздух между ними, мягкая радость Вэнь Цин и отчаянная печаль Лань Ванцзи клубились в тишине, а затем Лань Ванцзи вздохнул, и вместе с этим вздохом всё напряжение в его мышцах исчезло. Вэнь Цин подошла к нему, коротко коснулась ладонью его плеча и покинула комнату...

Свечи мерцали всё слабее и слабее, а Лань Ванцзи просто сидел и смотрел, как спит Вэй Усянь. Только когда последняя свеча погасла, предоставив рассеянному лунному свету освещать комнату самостоятельно, он встал, переделся в ночные мантии и распустил волосы. Присев на край постели, Лань Ванцзи на мгновение задумался, сможет ли он вообще уснуть, но тут Вэй Усянь издал приглушённое мычание и дёрнул его за мантию вниз.

— Спи, Лань Чжань, — пробормотал он, ещё не совсем проснувшись, и почти сразу погрузился в глубины сна.

Лань Ванцзи фыркнул, но покорно вытянулся рядом с Вэй Усянем, совсем не удивившись, когда возлюбленный устроился поудобнее, привалившись к его боку и уткнувшись лицом ему в шею. Очевидно, ему стало лучше, потому что он даже не поморщился, переворачиваясь всем телом, чтобы растянуться на Лань Ванцзи.

— Спокойной ночи, Вэй Ин.

<http://bllate.org/book/13203/1177334>